

материале используется тот же прием – демонстрация упаковки муки, половина лица, но сопровождающий текст уже не так безобиден: «Не позволим сифилитикам управлять нами! Поймаем их и заставим сдать анализы на СПИД!»

Формальный подход к тексту не позволил бы идентифицировать реальный смысл воспринятой читателями информации. В связи с понятием «**смысл**» нельзя не коснуться понятия «**восприятие**». Существует мнение, что «Восприятие направленности текста – понимание текста (передачи) читателями (зрителями). Восприятие не может быть предметом лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, так как спорным в таких разбирательствах является текст, а не его восприятие»[4, с. 24].

Приведенные утверждения представляются неубедительными. Полагаем, что спорным в делах о защите чести и достоинства является именно восприятие, а не текст. Что отстаивает истец в суде? Что стало причиной искового заявления? Собственное восприятие текста лицом, усмотревшим ущемление своих неимущественных прав, вызванное распротранением позорящей его в глазах общественности информации. Действительно ли текст вызвал реакцию, предполагаемую истцом? Возможно ли такое восприятие текста, которое позорит истца, умаляет его репутацию? Или такое восприятие субъективно и по объективным языковым законам типовое понимание текста должно быть иным? Эти вопросы интересуют суд, и именно на эти вопросы по сути должна отвечать лингвистическая экспертиза. Именно разработкой методик декодировки текста, выведением обобщенных законов восприятия и занимаются все коммуникативные направления лингвистики: стилистика, лингвопрагматика, лингвокогнитология, коммуникативный синтаксис.

Текст же не может быть спорным, он объективно существует как данность. Спорным является именно его восприятие. Стороны в суде оспаривают значение каких-либо языковых единиц, заложенный в тексте смысл. Текст – это **объект** анализа. Предметом же анализа является выражаемое всем комплексом языковых элементов инвариантный **смысл** и соответствующее ему типовое восприятие текста.

При рассмотрении информационного конфликта следует допускать возможность несовпадения интенции говорящего и восприятия объекта высказывания. При возникновении такого несовпадения, вернее, при заявлении (отражающем или не отражающем истинное намерение) ответчиком о несовпадении сообщенного и воспринятого, у анализирующего текст лингвиста возникает проблема, по сути базирующаяся на проблеме соотношения значения и смысла. Значение – постоянная часть содержания знаков – реализуется в различных смыслах – достояниях индивидов, в личностных категориях. Так что же должен выявлять лингвист в своем анализе: инвариантное значение или возможный смысл? При разрешении этого вопроса допускаются две крайности.

Одна крайность – прочтение и интерпретация текста, основанные исключительно на субъективном восприятии униженного и оскорбленного, абсолютизация личностного смысла без учета каких-либо объективных приемов декодировки текста, позволяющих выявить и его значение, и, соответственно, константную часть воспринимаемой основной массой реципиентов информации. В этом случае происходит абсолютизация субъективно выявленного смысла, последствия чего в полной мере ощущает на себе ответчик.

Другая крайность – непризнание правовой системой возможности неоднозначного восприятия текста, обусловленного его объективной амфиболией (двузначностью) – результатом случайного или намеренного со стороны авторов текста отсутствия необходимых конкретизаторов. При возможности (вероятной или преобладающей) восприятия реципиентами речи смысла, порочащего чью-либо репутацию, нематериальные права, интересы этого лица должны быть защищены либо опровержением, либо разъяснением.

Источники и литература

1. Белянин В. П. Психолингвистика / В. П. Белянин. – М., 2003.
2. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М., 1997.
3. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1988.
4. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004.
5. Шаховский В. И. Критика и библиография. М. В. Никитин. Основы лингвистической теории значения / В. И. Шаховский, В. И. Карасик // Филологические науки. – 1990. – № 2. – С. 115-117.

Примечание

Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 05-03-85310 а/У.

Иванова К. А.

ЖИЛОЙ ДОМ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ И КОММУНИКАТИВНЫХ ОБРАЗЦОВ

Важным элементом невербального общения является жилой дом как существенный элемент окружающей среды. Устройство дома, порядки в нем демонстрируют ценностные ориентации жильцов, их статусно-ролевые позиции.

Сегодня, когда увеличилось количество бездомных людей, особую остроту приобретает вопрос: какую роль играет дом в развитии внутреннего мира человека, как он влияет на его систему ценностей и на возможности его общения с другими людьми. Символика дома влияет на процессы общения, в том числе на кросс-культурное общение.

Рассмотрению этой проблемы посвящена работа Джона Кондона и Фати Юсефа «Дом и домашний стиль в различных культурах и его влияние на систему ценностей и коммуникативные образцы» [1, р.75-113], которая имеет методологическое значение для исследования системы ценностей представителей различных национальностей и их мироощущения в условиях межкультурной коммуникации. Дом, его убранство, атмосфера в семье – все это оказывает формирующее влияние на внутренний мир человека, на стиль его поведения, а также на формы и продуктивность общения.

Джон Кондон и Фати Юсеф рассматривают несколько типов домов: американский, арабский, японский, немецкий, суахили.

Исследование в фокус-группе позволило выделить особенности семейных отношений в африканском доме и в арабском. 214 студентов из Англии, Нигерии, Ганы, Танзании, Уганды, Нигера, Конго, которые обучались в последние десять лет в Национальном фармацевтическом университете Украины. Студенты в своих сочинениях о доме и семье оценивали жилище как центр общения и подчеркивали коллективистский дух атмосферы жилого дома. Эти сочинения стали материалом для своеобразного контент-анализа, проведенного в 1998 году, результаты которого были доложены на семинаре кураторов иностранных землячеств.

Описание разных типов жилых домов подчеркивает существующую тесную связь между устройством жилого дома и ценностными ориентациями его жильцов.

«Физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии, объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений», – считает П. Бурдые [2, с. 36]. Следовательно, все содержательные аспекты трансформации значимы не в силу своего наличия или отсутствия, а лишь тем, в каком масштабе и в какой степени они опосредуются в культуре людей, населяющих данный регион. Говоря иначе, никакой анализ пространственной динамики немислим без анализа исторически сложившихся представлений о мотивах, способах, причинах, механизмах социокультурного воспроизводства, присущих данному народу и конкретной территории.

Дом – это социальный и культурный микрокосм, где каждый человек учится правилам общения согласно имеющимся культурным образцам. Устройство жилого дома и общение в этом определенным образом организованном пространстве являет собой типичный пример невербальной коммуникации.

Нам представляется, что дом выступает как символ личностного пространства, где человеку комфортно. Человеку всегда была свойственна сильная потребность в «очеловечивании» пространства. Эта потребность, по-видимому, имеет исторические (биологические) корни и связана с борьбой за ареал обитания. У наших далеких предков эта потребность проявлялась в виде разведки и освоения новых территорий. Сегодня о сохранении данной потребности свидетельствует процветающая индустрия туризма. Те места, где человеку удалось побывать, посмотреть, еще лучше – временно пожить и освоиться, воспринимаются как знакомое, а не чуждое (чужое) пространство. Однако экстенсивным освоением пространства жизненная активность человека в интересующем нас вопросе не исчерпывается. Хронологически более поздно, но отнюдь не менее сильно проявила себя потребность в *автономизации* (приватизации) пространства. Эта потребность выступает в самых различных формах. Например, физическая целостность (автономия) организма – всякое внешнее воздействие воспринимается как опасное, если оно потенциально несет угрозу целостности (травма, удар, порез и т. д.).

Другая форма автономизации пространства – одежда. В одежде, особенно со вкусом подобранной, человек чувствует себя гораздо комфортнее, а главное – увереннее.

Личностное пространство формируется разными путями. Один из них – расширение круга знакомых, всех тех, с кем связывают какие-нибудь деловые, дружеские или родственные отношения. Родные, друзья, сослуживцы, просто знакомые люди, с которыми приятно иногда перебраться парой слов, – все они образуют контуры того личностного пространства, которое освоил и занимает человек.

В этой связи стоит заметить, что одиночество – это экстремальный пример суженного до минимума социального пространства. Одиночество – это, конечно, дискомфорт, если не патология. Человек, обреченный на одиночество, на социальную изоляцию, не сумеет продержаться долго. Другое дело – уединение. Это состояние можно истолковать как форму автономии личностного пространства.

Уединение, на наш взгляд, – это пространство самосознания. Причем, чем выше самосознание – тем больше потребность в уединении и одновременно в избирательном общении.

Понятно, что дом, как и город, – чрезвычайно емкий космический символ. С одной стороны, дом строится как уменьшенная модель вселенной; с другой стороны, с «пятикопным домом» или «семивратным градусом» иногда сравнивают человеческое тело, обладающее пятью чувствами и семью отверстиями.

И дом, и двор, и город символизируют освоенное, покоренное, «одомашненное» пространство, где человек находится в безопасности. Это место, где мы родились и куда мы возвращаемся из любых странствий.

Дом синонимичен Храму и противопоставляется Дворцу, хотя дворец служит жилищем для людей, а в храме живут лишь боги. Происходит это потому, что изначально, с древних времен, дом мыслится как центр мира, святилище Рода, персонифицированного духами предков. Б. А. Рыбаков, автор книги «Язычество Древней Руси», называет дом «пунктом, где начиналось и кончалось каждое языческое священнодействие». И не случайно один из главных Дворцов нашего времени называется Белым Домом.

Дом язычника непременно содержал в себе алтарь предков, представленный в той или иной форме; на самых ранних ступенях развития религии (как это можно видеть, в частности, у африканских негров) функции алтаря выполнял очаг. Христианство окончательно разделяет очаг и алтарь, заменяя последний иконостасом: так, в русской избе иконы и печь располагаются в разных углах. Телевизор объединяет в себе функции очага и алтаря; таким образом, очаг вновь воссоединяется с алтарем, что символизирует архаизацию сознания современного человека и возрождение древнего язычества на новом технологическом уровне.

Дом передается по наследству и мыслится как символ рода. Именно в этом смысле Библия говорит о «доме Израилевом» и «доме Иудином»; именно в этом смысле в геральдике употребляются выражения типа «дом Габсбургов» или «дом Романовых». Фамильный герб или домовый знак – непременное украшение фронтона дома в средневековой Европе – имеет богатую историю, восходящую к древнейшим временам. Символика гербов – хищные животные, оружие, щиты, доспехи, магические знаки – свидетельствуют о том, что изначально они служили не только символами рода, но и родовыми оберегами, защищавшими дверь от вторжения всего злого. «Да не войдет сюда ничто дурное» – такой лозунг можно было увидеть на дверях древнегреческих домов (в связи с чем Диоген и спросил одного домохозяина: «А как же ты сам сюда войдешь?»).

Дверь и порог дома – место перехода из защищенного пространства в незащищенное – также обладают богатой символикой и обрядовостью. Каждая деталь дома наделяется своим символическим значением: так, окна уподобляются глазам, а наличники и ставни завершают это уподобление.

Стены и крыша – символы основной, т. е. защитной функции дома, в связи с чем они часто служат синонимами понятия «дом» (например, в таких выражениях, как «иметь крышу над головой» или «сидеть в четырех стенах»). Чердак – буферное пространство, заполненное «отжившими» вещами, которые уже утратили свое значение и не нуждаются в защите. В противоположность чердаку, подвал и погреб – места усиленной защиты, хранилища запасов и тайн; их символика близка символике пещеры.

Разделение между служебными и жилыми помещениями, особенно тщательно соблюдаемое в европейской культуре (в частности, всеобщая нелюбовь к кухонным запахам, проникающим в комнаты), напоминает об одной из основных особенностей этой культуры – разграничении возвышенного и земного, плотского и духовного. В доме есть гостевая комната, которая является гордостью всей семьи. Здесь выставлены дорогие картины и сувениры. Вся обстановка отражает уровень образованности и степень современности семьи, ее вкус, степень вестернизации. Например, дом, где гости сидят на коврах, отличается от дома, где гости сидят на диванах и в креслах. Так буквально во всем проявляется отношение к модернити.

Наличие в доме двух лестниц – парадной и «черной» – знак социального разграничения входящих. И весьма символично, что рабочие и крестьяне, совершившие социалистическую революцию, так и не научились ходить через парадные двери, но наделили «черный вход функциями парадного».

Таким образом, богатая символика дома обладает внутренним единством и непротиворечивостью.

Дом – защищенное место, центр родовой вселенной, прирученный Космос. Но существуют и дома, которые не являются Домом; «ложность» этих домов подчеркивается различными эпитетами. Таковы «желтый дом» (иначе говоря «дом скорби»), «казенный дом» и, наконец, «вечный дом» из четырех досок – место упокоения и забвения.

В традиционном обществе, классическим образцом которого является Арабский Восток, гостя принимают в официальном салоне, в официальной, максимально формальной, во многом ритуализированной обстановке.

По данным включенного наблюдения, которое автор вел в течение 15 лет, во время посещения комнат в общежитии, где проживают иностранные студенты, хозяева пытаются организовать свое социальное пространство в соответствии со своими социокультурными нормами. Даже в одной комнате в общежитии всегда выделена более формализованная, устроенная в официальном стиле часть, предназначенная для приема гостя.

В традиционной культуре самых разных народов прием гостя в высокой степени ритуализирован. Институт гостеприимства существовал в очень сходной форме у самых разных народов мира: у древних германцев и евреев, у австралийцев и арабов, индейцев и народов Севера. Поразительные совпадения в ритуале гостеприимства у народов, удаленных друг от друга во времени и пространстве, конечно, не могут быть случайными. Они говорят об устойчивости психологических структур ритуала, его семантических мотивациях. Развитые формы гостеприимства рассчитаны на человека, прибывшего издалека, незнакомого или малознакомого [3, с. 179], а наиболее простые, зачаточные формы наблюдаются при приеме хорошо знакомого гостя, возможно соседа или родственника. Классической страной гостеприимства считается Кавказ, где сохраняется высокоритуализированная рыцарская культура [4, с. 115], а также некоторые архаические элементы быта.

Ритуал гостеприимства организован таким образом, чтобы полностью подчинить гостя своему сценарию, вне зависимости от того, кем именно он является. Бог, враг или просто путник будут приняты примерно одинаково, хотя с разной степенью почета.

Таким образом, дом является интегрированным выражением ценностей и жизненных смыслов каждого члена семьи, определенным выражением их статусно-ролевых позиций с учетом национально-этнической специфики и ментальных особенностей.

Литература

1. Condon J. & Youself F. Sntroduction to Intercultural Communication, 1957.
2. Бурдые П. Социология политики. – М., 1993.
3. Овчинников В. Сакура и Дуб. Впечатления и размышления о японцах и англичанах. М., 1983.
4. Байдурин А.К., Топорков А.К. У истоков этикета. Этнографические очерки. – Ленинград: Наука, 1990.
5. Бгажноков Б. Г. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгейских народов // Этнические стереотипы поведения. – Л., 1985.
6. Андреева В., Куклиев В., Ровнер А. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М. Локид, 2000.
7. Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986.
8. Матвеев В., Панов А. В мире вежливости. О культуре и общении людей. М., 1991.
9. Смелзер Нейл. Социология. – М.: Феникс, 1998.
10. Шихирев П. Н. Социальная психология в США. – М.: Наука, 1994.

Израелян А. Г.

ДОЛГОТА/КРАТКОСТЬ СОГЛАСНОГО ЗВУКА НА МЕСТЕ СОЧЕТАНИЙ СОГЛАСНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРА С. ВЕРКОЛА)

В современном русском литературном языке, а также в русских говорах возможны сочетания двух одинаковых или разных согласных, требующие произношения на их месте долгого согласного звука, например: *аккуратный, аппарат, баллон, бессонница, ванна, возжжи, группа, групповод (бригадир), поддувало, притча, сезонник, малинник, расширить, отдать, подчеркивать, законный, данный, двадцать, учиться, ответте, роддом, будто*. На месте таких сочетаний в действительности может произноситься как долгий, так и краткий согласный звук.

Вопрос о долгом или кратком произношении согласного звука на месте рассматриваемых сочетаний является весьма актуальным. По этой теме имеются исследования, наиболее полные – работы М. Я. Гловинской